

Множественная урбанистика и ее языки описания*

Игорь Стась

Городские исследования: между сциентизмом и прагматизмом

Городские исследования в современной России переживают противоречивые времена. Хипстерская урбанистическая революция 2010-х годов [Вахштайн, 2022, с. 488–490] (Виктор Вахштайн признан в РФ иноагентом), способствовала причудливому синтезу городского активизма¹, рожденно-преимущественно стихийным блогерством, и профессионального академизма от архитектуры и дизайна до социологии и культурологии, глубоко укоренившегося в вузах и научных институтах. Стремление университетов и проектов в области дополнительного образования найти новые компетенции, коммерциализировать науку и привлечь абитуриентов из новых областей сформировало условия для институционализации городских исследований в России, которые стали балансировать между риторикой популярных видеоблогеров, прикладных специалистов и исследовательским дискурсом [Трубина, 2022, с. 132–133].

По-видимому, наибольшего успеха добились городские исследователи, ориентированные на практиков. Многочисленные предпроектные и постпроектные исследования, соучастие и вовлечение, социокультурное программирование, разработка сценариев использования и моделей управления территориями оказались форматами, требующими навыков и знаний как в фундаментальных *Urban Studies*, так и в сфере низового активизма и плейсмекинга. В итоге благодаря запросу продвинутых девелоперов, архитектурных и дизайнерских бюро и государственных программ, таких как федеральный проект «Формирование комфортной городской среды» и конкурс по созданию комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях, за последние 6–7 лет в России сформировался целый рынок прикладных исследований, связанных с развитием территорий.

С другой стороны, есть все основания утверждать, что городские исследования прочно заняли маргинальную нишу в российской фундаментальной науке. Как будто лавируя между разными научными дисци-

Стась Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр урбанистики, Тюменский государственный университет (ТюмГУ); Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6. E-mail: igor.stas@mail.ru

В статье предлагается концепция множественной урбанистики, которая подразумевает не просто дисциплинарную структуру городских исследований, но их отчетливое восприятие учеными через дисциплинарную идентичность, перерастающую в некоторых случаях в стремление сформировать из урбанистики отдельную самостоятельную дисциплину. В российских реалиях дисциплинарная множественность городских исследований серьезно усложняется бинарностью сциентизма и прагматизма – академических фундаментальных и прикладных исследовательских работ. Урбанистика одновременно делится на академическую и прикладную, и одновременно обе эти урбанистики состоят из дисциплинарных специализаций. Множественная урбанистика означает 1) учет контекста при артикуляции терминов социальных наук, используемых в городских исследованиях, 2) разработку новых консолидирующих теорий, объясняющих урбанизмы как различные состояния «городского», 3) институционализацию городских исследований и формирование на ее основе диалога между социальными науками, изучающими город и урбанизацию.

Ключевые слова: городские исследования; дисциплины; междисциплинарность; прикладные исследования; социальные науки; урбанистика

Цитирование: Стась И.Н. (2024) Множественная урбанистика и ее языки описания // Городские исследования и практики. Т. 9. № 4. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp9420246-21>

* Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 23-78-10123

1. Наиболее подробно феномен урбанистики как медиадискурса в контексте академических и прикладных проектов описан пермскими исследователями: [Абашев и др., 2020].

плинами, они не смогли оторваться от родовых корней и увязли в конвенциональных научных областях и прикладных сферах: архитектуре, градостроительстве, дизайне, географии, социологии, социальной антропологии, экономике, экологии, истории, политологии, культурологии, философии, праве, муниципальном управлении, науке о транспорте. По крайней мере, это отчетливо наблюдается на защитах кандидатских и докторских диссертаций, где дисциплинарная номенклатура предопределяет оптику и язык любого исследования, посвященного городским процессам и явлениям [Трубина, 2022, с. 132–133]. Одновременно с этим в России очень редок формат академических конференций о городских исследованиях. Вместо них приобрели популярность урбанистические форумы, целевая аудитория которых скорее не исследователи, а чиновники, бизнес- и креативные сообщества. Этот кризис академических городских исследований непосредственно отразился в издательском деле, где публикация монографий о городах стала большим исключением, что вместе с тем контрастирует с невероятным бумом на издания в области архитектуры и дизайна, сделанные, как правило, специалистами из прикладной и креативной среды. Этот мой скепсис также подтверждается достаточно неустойчивым состоянием наиболее известных российских научных журналов, публикующих городские штудии, таких как «Городские исследования и практики», «Фольклор и антропология города», «Социология города».

Причудливое сплетение академии, практики и активизма непосредственным образом нашло отражение в языке тех, кто связывает свою профессиональную деятельность с городом. В период рождения хипстерского урбанизма чиновники, общественники, креативщики, девелоперы и риелторы позаимствовали у исследователей для своего словаря термины, которые прежде ассоциировались в первую очередь с наукой, – «сообщество», «городская среда», «идентичность», «наблюдение», «разнообразие», «практики» и т. д. Обновление глоссария городских практиков сложно объяснить чем-то иным, кроме как интеграцией социальных исследователей в городскую консалтинг. К концу 2010-х годов эту проблему в различных научных текстах и публичных выступлениях артикулировал социолог Виктор Вахштайн (признан в РФ иноагентом). По его мнению, такие слова – в частности, он приводил примеры с «городской средой» и «сообществом» – перешли из мира науки в «мир здравого смысла», выступая «концептами-отмычками», соединяющими миры исследователя и компетентного обывателя [Вахштайн, 2022, с. 126–154]. Пожалуй, Вахштайн обратил внимание только на вершину айсберга. В последние годы стало очевидно, насколько это более масштабный процесс экспроприации целого исследовательского языка. Научные термины размываются в повседневной риторике нового урбанистического рынка, теряя свои аналитические возможности.

Я не случайно до этого момента не использовал понятие «урбанистика», предпочитая говорить о городских исследованиях. Дело в том, что собственно урбанистика является базовой категорией такой склейки сциентизма и прагматизма в изучении городов. Появившись впервые в сообществе экономгеографов в позднесоветское время, в 1990-х – начале 2000-х годов «урбанистика» утвердилась в качестве нового названия всего объема исследований, посвященных городу. Серьезную роль в этом сыграла культовая книга Вячеслава Глазычева, в которой, собственно, и было дано каноническое определение понятия «корпус текстов, посвященных урбанизации во множестве ее форм». Глазычев хотел перезапустить прежнюю дисциплину «градостроительство», оставляя ее советской истории. В новом варианте «урбанистики» он делал акцент на том, что создание и регулирование городов «принадлежит городскому сообществу и его доверенным лицам – урбанистам, корпусу профессионалов, занимающихся урбанизацией» [Глазычев, 2008, с. 47–70]. Эта глазычевская интенция связанности городского сообщества как гражданских активистов с учеными и экспертами, изучающими города, легла в основу прочтения «урбанистики» в современной России.

В частности, здесь следует сослаться на точку зрения известного городского социолога, редактора серии *Studia Urbanica* издательства «Новое литературное обозрение» Олега Паченкова об «урбанистике» в России. В своей публичной лекции «Что такое урбанистика?» он отмечает, что это понятие означает «градостроительство XXI века», включившее в себя 1) «социальные науки» о городе и 2) различные форматы «соучастия» граждан в реализации проектов городского развития. В его интерпретации, «урбанистика» – это в какой-то степени новое градостроительство, основанное на «этическом повороте» и в которое «добавились и стали весомыми люди», переставшие быть «объектом», а ставшие «субъектом планирования городов». Паченков подчеркивает, что тем самым «урбанистика» разрушает монополию «градостроителей старой школы», которым теперь нужно планировать города вместе с жителями этих городов [Паченков, 2020]. Очевидно, что эта трактовка, выделяющая значимость создания городов в связке экспертов (исследователей, ученых, градостроителей и др.) и гражданских активистов, является продолжением идей Глазычева.

Такой взгляд на «урбанистику» несет серьезный позитивный смысл, предлагающий пересобрать российские города на демократических началах посредством современных социальных исследований и соучастия. Эта идея объединяет вокруг себя влиятельную коалицию сторонников, в которую начинают входить не только городские администраторы, активисты, ученые-практики, но непосредственно университетские и академические ученые, все больше погружающиеся в реальный сектор прикладных исследований (*applied research*). В этом и кроется, собственно, проблема такого взгляда на «урбани-

стику», превращающего ее в гибрид науки о городах и городского активизма, говорящего на едином «языке урбанистики», включающем все эти понятия – «сообщество», «городская среда», «идентичность», «практики» и т. д., вплоть до очень специфических понятий, таких как «право на город» или «джентрификация». Я не являюсь приверженцем «чистой науки» или изоляции «исследовательского дискурса», но отрицать размывание аналитических категорий для объяснения городских процессов также представляется неразумным.

Я не урбанист, а историк-урбанист

Интеграция науки и практики в этой «урбанистике» идет болезненно. Заметным симптомом является повальная боязнь конвенциональных ученых, исследующих города, быть названными «урбанистами». В той же лекции Паченков – скорее поддерживающий новую версию «урбанистики» и называющий «урбанистами» тех, чья профессиональная функция включать в процесс принятия решений людей и выступать посредником между строителями (ну и чиновниками тоже) и гражданами, – делает серьезное и пространное уточнение: *«Я себя в определенном смысле урбанистом считаю, (но) забыл сказать одну вещь, хотя здесь она может быть уместна, я очень подозрительно отношусь, например, к людям, которые просто называют себя урбанистами. В смысле, когда их спрашивают, в чем заключается их профессиональная деятельность, они говорят “я урбанист”. Для меня это очень подозрительно, и я с такими людьми... к ним скептически, потому что в моем представлении слово “урбанист” всегда пишется через дефис, а перед ним как второе, как приставка, но вернее постфикс, а перед ним идет все-таки определение базовой дисциплины, на которую человек учился, и его основной профессиональной области деятельности, в которой он является специалистом. В моем представлении урбанист – это все-таки некое добавление, это повышение компетенции, которая, да, многое говорит о том, что этот человек делает и как он это делает, но все-таки мне всегда не хватает первого слова, которое указывает на то, в чем же он является профессионалом и специалистом. Поэтому я про себя говорю, что я социолог-урбанист»* [Паченков, 2020].

Паченков попал в точку. Когда я услышал его тезис, то сразу подумал о своей аналогичной стратегии: до недавнего времени я представлялся в публичном пространстве не как урбанист, но как историк-урбанист. Это часто вызывало некоторое непонимание со стороны интервьюера или журналиста, общающегося со мной: очевидно же, раз я изучаю города, то меня следует назвать урбанистом. Вроде я нашел выход: просто прошу обозначать меня по должности. Городской планировщик и видеоблогер Андрей Елбаев, которого на просторах интернета, также следуя этому паттерну, нередко называют архитектором-урбанистом, отмечает,

что «урбанист» – это зонтичный термин, скрывающий кучу разных профессий, таких как социологи, экономисты, эконом-географы, антропологи или транспортники [10 глупых вопросов архитектору-урбанисту, 2020]. В таком случае категория «урбанист» является далеко вторичной идентичностью для дисциплинарных специалистов. Так, я вспоминаю яркий момент во время круглого стола на одной конференции, где известный городской антрополог, который состоялся в сфере как фундаментальных, так и прикладных проектов, ответил спикеру: «Никогда не назову себя урбанистом, упаси боже».

Тревога за свою дисциплинарную научную идентичность, видимо, присутствует у значительной части исследователей, которые задействованы в коммерческих проектах по развитию территорий. Я слышал достаточно серьезные возражения от коллег при реорганизации Лаборатории исторической географии и регионалистики, где прежде работал, в Центр урбанистики Тюменского государственного университета, где работаю теперь, отсылающие в первую очередь к кризису идентичности «историка» или «географа», угрозе «габитуса ученого» и невозможности заниматься фундаментальными исследованиями по тем темам, которые просто нравятся. Основным аргументом в пользу создания Центра урбанистики непосредственно касался способа медиации между исследователями и всякими возможными «заказчиками»: «историческая география им совершенно непонятна, долго нужно объяснять, а “урбанистика” – другое дело». Аргумент был верным: со многими «стейкхолдерами», с которыми мы взаимодействуем по части прикладных проектов, налаживать первый контакт стало намного легче.

Эта история появления Центра урбанистики ТюмГУ важна также для того, чтобы пояснить, что для городских исследователей границы между дисциплинарной научной идентичностью и категорией «урбанист», которой маркируются преимущественно городские общественники, похоже, могут стираться относительно без последствий на уровне институциональных рамок. Принцип прост: я готов работать в институции урбанистики, но не готов называть себя урбанистом, потому что я историк, географ, социолог, антрополог, градостроитель, архитектор и т. д. (подставляй любую дисциплинарную научную профессию). Как мне кажется, на основе этого принципа созданы все «урбанистические» институции, аффилированные с университетами или научно-образовательными проектами: Высшая школа урбанистики ВШЭ – это градостроители и географы; Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка» – архитекторы и искусствоведы; кафедра Глазычева в РАНХиГС – управленцы; Центр урбанистики ТюмГУ – историки; Институт дизайнера и урбанистики Университета ИТМО – технари, НОЦ «Гуманитарная урбанистика» НовГУ – культурологи. В значительной степени это объясняется министерской номенклатурой образовательных стандартов, привязанной к конвенциональным научным специ-

альностям, по которой только и возможно организовать образовательную программу по «урбанистике». Обычный стейкхолдер-заказчик, не знающий о том, как работает этот принцип, не видит эти дисциплинарные рамки и, как правило, не замечает разницы между «институтами урбанистики». Зачастую не видят эти различия и абитуриенты. Но обычный ученый, скорее всего, должен как минимум интуитивно почувствовать, что в этом «институте урбанистики», несмотря на весь этот метаязык – от «сообществ» до «права на город», – говорят на другом наречии.

Однако в условиях институционализации «урбанистики» часть исследователей начинает примерять на себя новую идентичность «урбаниста». В частности, Дмитрий Замятин ярко обозначил это институциональное влияние в изменении своей профессиональной идентификации: «По-настоящему урбанистом я почувствовал себя совсем недавно, когда пришел в Вышку... Но в 2015 году я пришел в НИУ ВШЭ, как раз в Высшую школу урбанистики, благодаря поддержке тогдашнего декана школы Алексея Новикова. Здесь мне уже деваться было некуда, я номинально становился урбанистом. И, осознавая себя в новом качестве, я думал: “Что я должен делать как урбанист?”» [Замятин, 2024]. Для этой группы исследователей, идентифицирующих себя в качестве «урбанистов», характерно еще одно явление, в котором социологи и антропологи легко распознают «категоризацию»: отнесение практически всех ученых, занимающихся изучением города и урбанизацией, к «урбанистам», даже в тех случаях, когда эти ученые сами себя таковыми не считают. На мой взгляд, такая категоризация, основанная на внешнем определении других, не только не способствует консолидации вокруг «урбанистики», но может привести к обратному эффекту – мобилизации ученых вокруг своей дисциплины. Институциональный фактор хоть и является существенным, но вряд ли сможет отодвинуть на второй план профессиональную идентичность и, тем более, язык своей науки.

Моим читателям, наверное, будет интересно узнать, что наиболее остро эту разницу в дисциплинарных диалектах «урбанистики» я ощутил в стенах Высшей школы экономики во время первого Форума имени А. А. Высоковского «Доказательная урбанистика: новые вызовы» в январе 2023 года, организованного факультетом городского и регионального развития и Высшей школой урбанистики. Внимательно послушав спикеров пленарки, мой друг, социолог Иван Тарасов вскоре отметил, что выступающие говорили не столько про «урбанистику», сколько про старую добрую планировочную науку, которая в мире называется *Urban Planning*. Доклад авторитетного Михаила Блинкина отчетливо показал, что современные планировщики избегают переводить эту западную дисциплину как «градостроительство» и предпочитают именовать ее «урбанистикой». Здесь вновь стоит упомянуть Глазычева, который через понятия среды и средового подхода привнес в советскую, а затем и российскую

градостроительную науку идеологию нового урбанизма, набравшую популярность на Западе в 1960-х годах. Отказ от ортодоксального модернистски нагруженного «градостроительства» в пользу «урбанистики» маркировал когорту новых отечественных планировщиков, учитывавших «городскую среду».

Как корабль назовешь, так он и поплывет. После падения марксистских оков «урбанистика» стала понятием, помогавшим пересборке своей дисциплины не только планировщикам, но и другим советским ученым, которые изучали город и урбанизацию. Так, экономически ориентированная «география городов» превращалась в «геоурбанистику», пытавшуюся не игнорировать историю, культуру и социальность. Историки же постепенно отказывались от «городоведения» в пользу «исторической урбанистики». Тем самым они словно декларировали разрыв с местечковым краеведением. В итоге появилась иллюзия, что существует какая-то общая «урбанистика», которая объединяет различные науки, изучающие город. Отсюда тезис Глазычева о некоем едином «корпусе текстов, посвященных урбанизации во множестве ее форм».

Впрочем, как бы широко ни распространялся бренд «урбанистики», риторический словарь своей родной дисциплины и отсылка к своим корифеям-учителям достаточно быстро выступают наружу у любого урбаниста, за которым обязательно будет скрываться градостроитель-планировщик, архитектор, географ, историк, культуролог, социолог, антрополог, экономист или какой-нибудь инженер. В этой дисциплинарности «урбанистика» разнообразна. Она реально может воспроизводиться множеством языков описания. Но это значит, что недостаточно просто говорить об «урбанистике» или называть себя урбанистом. Важно понимать, через какие дисциплины и какие методы/подходы/теории любой условный урбанист делает *свою* «урбанистику». Поэтому не верьте тем, кто постоянно твердит о междисциплинарности «урбанистики», чаще всего это лишь неумение определять ее дисциплинарность.

Что такое урбанистика?

Русское слово «урбанистика» образовано от латинской адъективной основы урбан- (лат. *Urbānus* – римский, городской), в свою очередь являющейся производной от латинского корня *urbs*, первично означавшего укрепленное поселение, но исторически (в периоды римской монархии и Ранней республики) применявшегося только к Риму и поэтому в более позднее время (в периоды Поздней республики, Римской империи и поздней Античности) ставшего полным синонимом Рима и столичного города вообще (ср. латинскую формулу *urbī et orbī* – «Риму и всему обществу римских граждан», дословно «городу и миру»). К этой основе добавлен греческий по происхождению суффикс -истика, который означает исследовательскую и практическую область, описывающую и объясняющую широкий

круг явлений и проблем, в данном случае связанных с городом и городским образом жизни². В английском языке не найти эквивалента сложносоставной дефиниции «урбанистика», что, естественно, добавляет ему определенную слабость: всегда, когда мы что-то определяем словом «урбанистика», мы обозначаем только российское/постсоветское явление, оторванное от мирового контекста. Проще говоря, никакой «урбанистики» в мировой науке не существует.

Иногда можно услышать, что близким «урбанистике» является английское понятие *Urbanism* («урбанизм») [Паченков, 2020]. Однако при детальном рассмотрении становится ясно, что коннотации у двух понятий разные. Если «урбанистика» отсылает к собирательному знанию о городе или к новым значениям, таким как социальное проектирование, соучастие или метаязык, то «урбанизм» обозначает в основном сам объект исследований о городе и фиксирует определенное состояние «городского». При этом в интерпретации «урбанизма» сложилось как минимум три интеллектуальные традиции: 1) это городской образ жизни, который определяется численностью, плотностью и разнообразием населения (Луис Вирт); 2) это перманентный городской конфликт, основанный на различиях, сложностях и соглашениях в городе, связанных с отношениями граждан, власти и классов (новая социология города от Анри Лефевра до Мануэля Кастельса); 3) это восприятие города как общественного пространства, где важна соразмерность человеку, комфорт и безопасность, идентичность и локальные культуры, сообщества и практики (движение нового урбанизма от Джейн Джекобс до Яна Гейла). Такой же теоретической нагрузки российская «урбанистика» не несет, хотя стоит отметить, что урбанистов в России отождествляют в первую очередь с движением нового урбанизма.

Однако толкователи «урбанистики», следуя тезису Глазычева, часто говорят о ней именно как о собирательном термине, охватывающем исследования городского развития³. В этом плане более равнозначным должно быть английское понятие, обозначающее подобную совокупность работ об изучении города и урбанизации. Я не знаю, как обстоит дело в других национальных традициях городских исследований, но положение дел в англоязычной научной литературе о городах кажется более-менее понятным, и, оказывается, аналогичного собирательного определения там нет. По большому счету все, что мы называем в России «урбанистикой», в англоязычном контексте делится на три различные области знания, которые отвечают за свои профессиональные компетенции: 1) *Urban Planning*, 2) *Urban Design* (либо *Street Design*), 3) *Urban Studies*. Первая область – это городское и территориальное планиро-

вание, которое ближе всего к российскому «градостроительству». Вторая область отвечает за архитектуру и дизайн общественных пространств и за сценарии их использования. Третья область наиболее широкая и включает в себя весь спектр социальных исследований города и урбанизации (географию, социологию, экономику, антропологию, политологию и т. д.), а также городскую теорию. Отдельно для западного контекста еще можно выделить *Urban Affairs*, которые специализируются на городском управлении, и *Urban Science*, как более scientisticкое и количественное эконом-географическое направление в науке о городах.

Согласитесь, что такое исследовательское пространство также слабо согласуется с российской «урбанистикой». В нем не наблюдается смешения науки и практики, исследователей и архитекторов, экспертов и граждан, консалтинга и соучастия, градостроителей старой школы и новых урбанистов. Я бы сказал, что в нем просто определены профессиональные поля, которые, конечно, тоже постоянно переплетаются, но в то же время они не выходят за рамки своей основной специализации. Российская «урбанистика», наоборот, плохо улавливает дисциплинарные оптики городских исследований. Вместе с тем, с учетом того, что сторонники «урбанистики» отмечают необходимость социальных знаний о городах и людях, в них проживающих, можно предположить, что «урбанистика» – это такие *Urban Studies* по-русски: они меньше связаны с классическим градостроительством, опираются в первую очередь на социальные науки: социологию, географию, антропологию, экономику и т. д., а еще дополнены идеологией вовлечения горожан. Собственно, мы опять возвращаемся к канону «урбанистики», сформированному Глазычевым.

На этом моменте я и хочу перейти к тезису о множественной урбанистике. Я не предлагаю отказать от понятия «урбанистика», но призываю при артикуляции соизмерять его с мировым контекстом в области городских исследований. Российская урбанистика слишком множественна, чтобы ее проговаривание несло для всех понятный общий смысл: с одной стороны, она находится в поле фундаментальных наук, а с другой – означает консалтинг и форматы подобно соучастию под задачи городского и территориального развития. Одновременно с этим она разделена на десятки дисциплинарных аксиоматик, мучительно пытаюсь пересобрать себя посредством метаязыка, включающего массу ее производных («урбанисты», «урбанизм», всяких «урбанистик» и т. д.) и практико-аналитических категорий (скажем, от «последней мили» велокомьютеров до «ревитализации» редевелоперов, от «джентрификации» социологов до «идентичностей» антропологов).

2. За разъяснение этой этимологии я сердечно благодарю Вячеслава Кулешова, старшего научного сотрудника Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург).

3. См., например, интересный разбор: [Загвозкина, 2020].

Дисциплинарные *Urban Studies*

Указание на множественность урбанистики через ее дисциплинарное разнообразие не основано на глубоко российском материале. В последние несколько лет на страницах академических журналов по *Urban Studies* наблюдается большая дискуссия о дисциплинарной оптике в современном изучении «городского» (*urban*). Я бы отсчитывал эту теоретическую фокусировку с начала 2010-х годов, когда многие исследователи попытались вновь, после эпохи 1960-х, создавшей эту область знаний [Popenoe, 1965], переосмыслить *Urban Studies* как своеобразную междисциплинарную науку. Истоки этого интеллектуального веяния, вероятно, лежат в новом городском кризисе, который Ричард Флорида связывает в первую очередь с разрастанием бедности и неравенства [Флорида, 2018]. Другая причина кроется в повороте в сторону городов Глобального Юга, за счет которого преимущественно и реализуется планетарная урбанизация [Brenner, 2014]. Эти изменения в городских процессах на глобальном уровне, как кажется, подтолкнули городских исследователей вновь задуматься над сутью своего научного направления. Часть этих авторских рефлексий отражает индивидуальный опыт работы с (интер)дисциплинарностью и разными профессиональными областями на городских кейсах [Fraser, 2015; Wilson, 2022; Crawford, 2020]. Но в этом разделе статьи я хочу описать в первую очередь общие тенденции и дискуссии, которые вызывает проблематика дисциплинарности в современных *Urban Studies*.

В 2010 году в журнале *Journal of Urban Affairs* вышла фундаментальная статья городских исследователей из Кливленда – Уильяма Боуэна, Ронни Дана и Дэвида Касдана – о контексте, внутренней структуре и содержании *Urban Studies*. Ученые пришли к выводу, что эта научная область не является ограниченной «академической дисциплиной», поскольку у нее нет единого доминирующего метода, общих целей и четких согласованных критериев, с помощью которых можно было бы разметить ее границы с границами других признанных академических дисциплин. Они выделили семь дисциплинарных «субполей» (*subfield*) внутри *Urban Studies*: 1) городскую социологию, 2) городскую географию, 3) городскую экономику, 4) жилищное строительство и развитие городских районов (*neighborhoods*), 5) экологические исследования, 6) городское управление, политику и администрацию, 7) городское планирование, дизайн и архитектуру. Респонденты-эксперты, у которых авторы статьи взяли структурированные интервью, также отмечали, что в этот список можно добавить городскую историю, городскую антропологию и культурные исследования. Несмотря на широкую раздробленность, Боуэн с коллегами выдвинули мысль, что интеграция и структурирование знания из родственных дисциплин создает интеллектуальную целостность и практическую ценность *Urban Studies*. По их мнению, положительны-

ми отличиями *Urban Studies* от конвенциональных дисциплин выступали: 1) стремление к прямому взаимодействию с реалиями, определяющими городской контекст, 2) широкий взгляд на науку и противостояние долгосрочной специализации и фрагментации университетского обучения [Bowen et al., 2010].

Неожиданная реакция на эту статью последовала от городских историков Ричарда Харриса и Майкла Смита, которые были поражены отсутствием городской истории (*Urban History*) в списке дисциплин, входящих в *Urban Studies*. Их пространственный комментарий был посвящен тезису о том, что история всегда играла важную роль в *Urban Studies*. Так, они указывали, что известные авторы, такие как Льюис Мамфорд, Джейн Джекобс, Дэвид Харви и Гордон Чайлд, которые определили наше современное представление о городах, широко ссылались на исторический опыт городов. Харрис и Смит также заметили, что из 30 учебников по городским исследованиям восемь носили исторический характер или были написаны историками, а многие другие содержали существенные разделы и материалы по истории городов. Историки обратились к анализу базы данных *ISI Web of Science* и предложили рейтинг дисциплин, публикующих тексты по городской тематике (в порядке убывания): 1) экологические науки; 2) география; 3) история; 4) планирование и развитие; 5) экономика; 6) санитарное дело и общественное здравоохранение (*Public Health*); 7) архитектура; 8) социология; 9) политическая наука; 10) образование; 11) политика здравоохранения (*Health Policy*). Позиция авторов была понятна: история повсеместно распространена в *Urban Studies*. Поразительно, правда, что одновременно с этим Харрис и Смит ограничивали занятие городской историей только для тех, кто обладал соответствующими навыками и умел работать с историческими источниками [Harris, Smith, 2011]. Такая амбивалентная позиция скорее указывала на силу дисциплинарной идентичности и их неспособность открыть двери для городских исследователей из других наук.

В ответ на эту критику историков Боуэн, Данн и Касдан указали, что предложенную ими структуру *Urban Studies* поддержало подавляющее большинство первопроходцев в этой области знания и их коллеги, интервью с которыми заранее взяли авторы. Они признали, что вопрос о включении истории в этот список дисциплин был одним из дискуссионных. Но из-за того, что эксперты-респонденты из *Urban Studies* либо явно исключали историю как субдисциплину, либо вовсе были безразличны к ее включению, они приняли решение определить историю как смежную (*allied*), но при этом внешнюю дисциплину по отношению к *Urban Studies*. Это подтверждалось также тем, что в названиях всех статей, которые они проанализировали за 1999–2007 годы (222 статьи), слова «история» и «исторический» встречались лишь 8 и 11 раз соответственно.

В результате, по их мнению, история – это самостоятельное поле исследований, которую для *Urban Studies* правильнее рассматривать как призму или перспективу, а не как основополагающую субдисциплину. В конце Боуэн, Данн и Касдан критиковали рейтинг дисциплин в *Urban Studies*, который предложили Харрис и Смит, указав, что невозможно уловить область *Urban Studies*, замерив частоту встречаемости термина *urban* во всех других академических дисциплинах, таких как история, которые изучают темы, косвенно или иным образом связанные с городом [Bowen et al., 2011].

На эту дискуссию впоследствии ссылалась городская планировщица и редактор *Journal of Urban Affairs* Лаура Риз. В своих размышлениях о настоящем и будущем городских исследований она отмечала, что междисциплинарность является как сильной, так и слабой стороной *Urban Studies*. В частности, городские ученые должны тонко балансировать между достижениями успеха в их традиционной дисциплине и интеллектуальными реалиями выбранного ими исследовательского фокуса. Она как редактор заметила, что в *Journal of Urban Affairs* существовали очевидные дисциплинарные тенденции, среди которых было увеличение материалов по экономике, истории и демографии, а доминирующими методологиями исследований были этнография, сетевой анализ, пространственный анализ и концептуализация. С точки зрения Риз, *Urban Studies* обладали серьезной перспективой, поскольку городские ученые могут заимствовать, интегрировать и изобретать новые теории, основанные на знаниях из различных дисциплин, что позволяет понимать мир более полно по сравнению с теми, кто видит его только через призму узкой дисциплины [Laura, 2014].

Так, в принципе, и случилось. Во второй половине 2010-х – начале 2020-х годов дискуссия о дисциплинарности *Urban Studies* привела к разработке оригинальных и экспериментальных подходов в городских исследованиях, которые учитывали или преодолевали дисциплинарные ограничения. Например, появились гипотетические предложения о синтезирующей теории. Так, редактор журнала *City & Community* социолог Захари Нил желал, чтобы *Urban and Community Studies* стали самостоятельной дисциплиной. И, по его мнению, поскольку городские ученые вообще заинтересованы в ответах на подобные вопросы о междисциплинарном взаимодействии, то, вероятно, есть цель разработки единой и всеобщей теории городов, где бы дисциплинарные границы стали нечеткими [Neal, 2015, p. 244]. Но важнее то, что распространились критические теории, настаивающие на глубоком переосмыслении «городского» как социального явления. Известные городские теоретики Нил Бреннер и Кристиан Шмид выдвинули новую эпистемологию «городского» как метатеоретическую основу для будущих городских теорий и исследований [Brenner, Schmid, 2015]. Другие ученые заинтересовались

междисциплинарным взаимодействием в рамках концепции социальной устойчивости городов [Cauvain, 2018]. Новые методологии также базировались на интегративных свойствах понятия «урбанизм». В частности, перспективным является концепт трансдисциплинарного урбанизма, который предполагает обогащение городского дизайна и планирования за счет привлечения в проекты социальных исследователей, художников, аниматоров, перформеров, активистов и местных сообществ. Их задача – пересмотр властных структур в городском пространстве и изучение их неопределенностей и возможностей [Rizzo, 2015]. Не менее смелым я бы назвал концептуальную рамку компаративного урбанизма, который означает широкий сравнительный анализ, основанный на переводе концепций из различных контекстов на новые точки применения [Robinson, 2016; Robinson, 2022].

Актуализация дисциплинарности городских исследований отразилась и на выработке амбициозных институциональных решений. Географ Алекс Шафран, опираясь на идеи Анри Лефевра об организации университета, посвященного изучению урбанизации и объединению дисциплин за счет проблематизации городского феномена, предложил создать отдельную городскую академию, которая бы охватывала как ученых, так и активистов, как университеты, так и государственные, частные и некоммерческие организации [Schafran, 2014, p. 327]. Со сходной интегрирующей идеологией выступил Летний институт городских исследований (*Summer Institute in Urban Studies*), впервые состоявшийся в Манчестере в 2014 году. В процессе организации этой школы для молодых исследователей одним из главных являлся вопрос о том, где заканчивается и начинается *Urban Studies* и насколько это важно для тех, кто хочет использовать этот термин для обозначения того, чем занимается. Эти летние институты стали площадкой для дискуссий о содержимом *Urban Studies*, целью которых было создать пространство признания различий. Однако организаторы школы с сожалением признавали, что подобные идеи вступали в противоречие с академическим рынком труда, структурированным по традиционным дисциплинам [Ward, Bunnell, 2021, p. 875]. Из недавних интересных институциональных подходов я бы еще выделил проект *PEAK Urban*. Его идея заключается в согласовании самых разных дисциплинарных оптик – от анализа данных до учета этических подходов для более точного прогнозирования будущего городов, которое разработчики проекта выделяют в отдельную субдисциплину, основанную на системном мышлении [Keith et al., 2020].

Итогом этой артикуляции дисциплинарности *Urban Studies* стал выход нескольких крупных учебных пособий, описывающих основные понятия и подходы в *Urban Studies* через дисциплинарную оптику. Первой такой работой я бы назвал книгу Алана Хардинга и Тальи Блокланд «Городская тео-

рия: Критическое введение во власть, города и урбанизм в XXI веке». Авторы сразу начинают с объяснения, что собой представляют «городские субдисциплины» и какую роль они занимают в городской теории. Они отмечают: «городские исследования также не являются достоянием какой-либо одной академической дисциплины. Выдвигаются претензии на особую городскую социологию, городскую политологию, географию, экономику, планирование и так далее, но на практике трудно отличить одно от другого» [Harding, Blokland, 2014, p. 1]. При этом авторы признают, что и «городские компоненты» этих дисциплин не являются самостоятельными; так, например, трудно сказать, что отличается городскую социологию от общей социальной теории. Следующей работой является учебник «Видеть город: Междисциплинарные подходы к изучению городского», который вышел под редакцией ученых из Университета Амстердама. Книга усложняет картину дисциплинарной структуры *Urban Studies*: городским исследователям важно не только увидеть что-то за рамками своей дисциплины, но также необходимо учитывать взгляд различных парадигм, таких как позитивизм, постпозитивизм, критическая теория и конструктивизм [Verloo, Bertolini, 2020, p. 15–18]. Третьей значимой книгой стал английский перевод теоретической работы «Город: Междисциплинарное введение в городские исследования», автор которой – немецкий политолог и историк Уве Прелл. Он пишет о том, что в *Urban Studies* существует дилемма междисциплинарного исследования: все городские исследователи обязаны следовать междисциплинарному подходу, но никто не имеет возможности справиться с масштабами этой задачи. Одновременно городские ученые боятся критики коллег из других дисциплинарных областей, и поэтому в *Urban Studies* междисциплинарность является немалым риском [Prell, 2022].

Предложение новых теорий, инициативы институционализации и появление дидактических работ только усиливают дискуссию о роли дисциплин в изучении города и урбанизации. Споры идут и сегодня. Так, в совсем недавнем номере журнала *Journal of Urban Affairs* вышла (впервые онлайн в 2022 году) коллективная программная статья под названием «Состояние городского исследования: взгляд через дисциплины». Различные городские ученые пытались ответить на вопросы: что значит концепт «городское» через призму вашей дисциплины? Какие методы использует ваша дисциплина для выявления «городского»? Как именно развивалось «субполе» (*subfield*) о «городском» в рамках вашей дисциплины? Какой вклад в вашу дисциплину внесли городские исследования? Какие именно подходы и концепции ваша дисциплина может предложить другим дисциплинам в изучении «городского» и какие подходы вы готовы заимствовать из других дисциплин для улучшения вашей собственной? [Wolman et al., 2024a, p. 425–426].

Редакторы статьи политические ученые Гарольд Уолман и Уильям Барнс задали эти вопросы представителям пяти наук: экономики (Джеффри Лин), истории (Ричард Харрис), городского планирования (Дженнифер Кларк), политологии (Томас Огорзалек) и социологии (Саманта Фридман). Этот коллективный труд показал, что авторы склонны указывать на замкнутость своих дисциплинарных оптик в анализе городских феноменов. С одной стороны, дисциплины позволяют генерировать и накапливать знания в области городских исследований. Но с другой – это приводит к тому, что городские ученые отдают приоритет дисциплинарной автономии, а не развитию общего «поля». Ученые скованы институциональными рамками: продвижение по карьерной лестнице происходит в дисциплинарных департаментах, а публикации в журналах своей специализации ценятся выше, чем в изданиях других дисциплин или междисциплинарных. Авторы статьи предполагают, что выход из такой дисциплинарной ловушки лежит не в реализации совместных интердисциплинарных исследовательских проектов, но в первую очередь в общении между дисциплинарными «субполями», занимающимися городом. Поэтому они призывают создать «республику диалога» (*republic of conversation*) для совместного изучения важных текстов из различных дисциплин, обсуждения острых вопросов и обмена идеями, которые выступают скорее фундаментами и институтами дальнейшего развития *Urban Studies*. Короче говоря, выход в том, чтобы проводить больше совместных дискуссий [Wolman et al., 2024a, p. 448–454].

Ответом на эту статью стало эссе географов Жан-Поля Эдди и Кевина Уорда, которые указали, что появление научной области знаний *Urban Studies* было результатом первого междисциплинарного поворота, спровоцированного эпохой городского кризиса 1960–1970-х годов. По их мнению, последние два десятилетия наблюдается второй междисциплинарный поворот и всплеск интереса к городским исследованиям, обусловленный признанием значимости планетарной урбанизации и масштабного роста городов Глобального Юга. Географы отмечают, что влияние разных дисциплин на *Urban Studies* зависит от страны к стране; например, в США доминируют подходы социологии, политической науки и связей с общественностью (*public affairs*), в Великобритании – география и планирование. Эдди и Уорд выступают против наличия внутри каждой дисциплины «субполя» (*the subfield*), изучающего «городское». Статья пытается доказать, что многое зависит от конкретных интерпретаций того, чем именно являются *Urban Studies*: 1) какие дисциплины включать в *Urban Studies* при их описании, а какие нет («дисциплинарная пристрастность»); 2) зависимость *Urban Studies* от географии тех, кто о ней рассуждает, и географии тех, о ком рассуждают («географическая пристрастность»); 3) важность отсылок к предшественникам-ученым в рамках кри-

тических городских исследований и городской теории [Addie, Ward, 2024, p. 463–465, 470].

Фактически авторы критикуют взгляд из дисциплин, поскольку дисциплины формируют, структурируют и ограничивают способность ученых четко оценивать как состояние городских исследований, так и то, что входит в *Urban Studies*. Они рекомендуют обращаться непосредственно к проблематике «городского», которое и подталкивает задавать вопросы об онтологии и эпистемологии городских исследований. То есть научные изыскания должны быть ориентированы не на дисциплину, а на теоретизацию и проблематизацию города. Эдди и Уорд в основном приводят примеры, связанные с учетом вклада предшественников, ассоциированных именно с *Urban Studies*, которые способствуют такому подходу. Помимо теории, одним из важнейших способов достижения консолидации *Urban Studies* они считают создание междисциплинарных институтов в университетах и научных учреждениях [Addie, Ward, 2024, p. 468–469]. В комментарии-ответе на эту критику авторы статьи о взгляде на городские исследования через дисциплины фактически признали, что *Urban Studies* тоже можно рассматривать как еще одну уже сформированную дисциплину внутри *Urban Research* [Wolman et al., 2024, p. 475–476].

Текст Эдди и Уорда заставляет задуматься о национальных контекстах *Urban Studies*, которые могут собираться дисциплинарно по-разному в зависимости от региональных и страновых особенностей развития социальных наук. Заметная рефлексия о дисциплинарном характере городских исследований происходит сегодня в италоязычном и германоязычном научном мире. Так, в Италии с 2017 года выходит в свет журнал *Tracce Urbane: Rivista Italiana Transdisciplinare di Studi Urbani*, посвятивший несколько тематических номеров дисциплинарности и междисциплинарности городских исследований. На его страницах планировщики, географы, социологи и историки пытаются критически реконструировать ретроспективу дисциплин и интердисциплинарности в немецкоязычных *Urban Studies* (нем. *Stadtforschungen*), показывая значимость критической теории и оптики в германских городских исследованиях [Pizzo et al., 2019; Pizzo et al., 2020].

Проблематизация дисциплинарных границ *Urban Studies* особенно проявляется в научных сообществах тех стран, где сегодня продолжает фиксироваться масштабная урбанизация. Так, вызовом для *Urban Studies* в Китае является выход на современную критическую и социальную теорию и ее применение на китайском эмпирическом материале [He, Qian, 2017, p. 839]. Аналогично индийские ученые

находятся в поисках теоретических основ, которые могут преодолеть дисциплинарные границы, оставаясь при этом внимательными к разнообразию местных индийских урбанизмов [Coelho, Sood, 2022, p. 2628]. Отличительной чертой *Urban Studies* в Бразилии стала связка междисциплинарных университетских исследований с практической сферой через взаимодействие со школой Теологии освобождения, общественными и неправительственными организациями, низовыми сообществами и церковью [Fix, Arantes, 2022]. Здесь я хочу сказать, что отмеченные историографические тенденции во многом характерны и для российских городских исследований.

Таким образом, в современных социальных науках о городах воспроизводится достаточно устойчивый дискурс о дисциплинарности *Urban Studies*. Дисциплинарность означает своеобразное обновление междисциплинарного подхода, где акцент делается не только на диалоге между разными науками о городах и урбанизации, а на передний план выдвигается представление о том, в каких именно дисциплинах, контекстах и географиях смотрят ученые на *Urban Studies* и из каких дисциплинарных полей *Urban Studies* конструируется. Несомненно, что такая оптика актуализирует (не)признание *Urban Studies* как самостоятельной дисциплины, которая смогла бы выйти за пределы конвенционального дисциплинарного круга. Для этого ученые пытаются найти пути консолидации наук о городе через разработку новых городских теорий, концептуализацию урбанизмов и «городского», написание учебных пособий и определение национальной и региональной специфики.

Я привел этот подробный обзор дисциплинарных трендов в мировых *Urban Studies* с целью обратить внимание на то, что сегодня российские городские исследования во многом переживают схожие трансформации. По крайней мере в публичном пространстве городские исследователи часто говорят о трудностях перевода с одного языка на другой либо между научными дисциплинами, либо между учеными и представителями практической сферы, либо вообще между разными городскими стейкхолдерами, жителями и властью. Эта проблематика стала настолько выпуклой, что «урбанистика» в России сегодня многими понимается именно как метаязык, а урбанисты – как те, кто на этом языке умеет говорить⁴. Урбанисты превращаются в толмачей – посредников, адвокатов, медиаторов, модераторов, – которые знают, как согласовывать общие задачи и купировать конфликты. И очень часто, когда кто-то определяет так «урбаниста» и «урбанистику», он одновременно уточняет о своей дисциплинарной специализации⁵. Дисциплинарная идентичность является первостепенной

4. См., например: [Кузнецов, 2020; Новиков, 2015; Интервью с Александром Антоновым, 2024].

5. Особенно заметна такая рефлексия о своей (меж)дисциплинарной позиции у исследователей, которые стали героями в недавней серии интервью об «урбанистике» на страницах академического информационного бюллетеня *Schola* от Высшей школы экономики: [Блинкин, 2024], [Замятин, 2024], [Митин, 2024], [Мальцева, 2024].

для смысловой артикуляции «урбанистики». То есть я утверждаю, что российская «урбанистика», как и в зарубежные *Urban Studies*, описывается сегодня с точки зрения позиции разных дисциплин и поэтому определяется как метаязык. Почти никто не хочет отказываться от своей дисциплины в городских исследованиях. Другое дело, что, в отличие от *Urban Studies* в англоязычной научной литературе, разговоры о дисциплинарной структуре или о содержании российской «урбанистики» вообще сегодня не переходят в академическую плоскость конференций, журналов, публикаций, книг и рецензий, а остаются на уровне публичных или кулуарных бесед. Поэтому мы и попытались это исправить.

Метрополисы

Этот тематический номер журнала «Городские исследования и практики» подготовлен по итогам Молодежной научной конференции «Метрополисы: множественная урбанистика и ее языки описания», которая состоялась 5–7 октября 2023 года в Тюменском государственном университете. Организаторами конференции выступили магистерская программа «Концептуальная урбанистика», руководителем которой я являюсь, а также Лаборатория исторической географии и регионалистики, возглавляемая Сергеем Козловым и реорганизованная в 2024 году в Центр урбанистики. Название конференции было выбрано неслучайно.

Метрополис – одно из ключевых понятий городских исследований, начиная с Чикагской школы и английского перевода культового эссе Георга Зиммеля *The Metropolis and Mental Life* [Brantz et al., 2012]. Классическое греческое понятие «мать городов / город-мать», фиксирующее влияние и связь города-метрополии с городами-колониями, демосом или территориями, прекрасно раскрывало один из эффектов городского роста уже в модерную эпоху. Неспроста Луис Вирт в своем культовом эссе об урбанизме начинал с базового тезиса о воздействии метрополиса на округу за пределы его юридических границ, а после публикаций Аллена Джона Скотта в начале 1980-х годов стало ясно, что «эффект метрополиса» имеет глобальный характер. Метрополис как аналитическая категория позволяла повернуть, казалось бы, привычный ход урбанистической мысли и посмотреть по-новому на социальное в городском. В эссе Зиммеля мы узнаем, что Метрополис ведет не только к атомизации горожанина, но одновременно создает его индивидуальность. Или в конце 1950-х годов в *The Exploding Metropolis* группа новых урбанистов во главе с Джейн Джекобс положила начало длительной борьбе с модернистской идеологией в градостроительстве. Или благодаря *Postmetropolis* Эда Соджа мы окончательно поняли, что все хотят быть городами, а воображаемое есть материальная сила, которая проявляется в городских проектах. Тем

не менее если в первой половине XX века социальные исследователи посредством «метрополиса» артикулировали «истинно городское», присущее большому городу, то сегодня вопрос о «метрополисе» – это в первую очередь вопрос о концептах и понятийном аппарате современных городских исследований. Мы посчитали, что это понятие «метрополисы», редко применяемое в России, но играющее важную роль в изучении города и урбанизации в социальных науках на Западе, выступает прекрасной метафорой того разнообразия, которое сложилось в отечественной урбанистике. Метрополисы – это разные дисциплины внутри *Urban Studies*, влияющие на другие дисциплины, изучающие город. Так, мы выбрали название конференции, которая, надеемся, будет традиционной и сыграет важную роль в развитии городских исследований в России.

Проблематика первых «Метрополисов» была предельно ясна. Назрел большой разговор о дисциплинарных и профессиональных языках, сложившихся в российской урбанистике: исследователей-практиков, представителей академии, активистов, чиновников, девелоперов и т. д. Важно было поговорить о том, представляет ли урбанистика в России цельную дисциплину, является ли она только совокупностью всех научных текстов о городах и урбанизации, как указывал изначально Глазычев, или же она стала способом проявления гражданства в союзе с социальными исследователями, или же она метаязык, на котором пытаются договариваться все, кто так или иначе причастен к городу. Как исследуют город представители различных социальных наук – историки, антропологи, социологи, географы и др.? Как на нем говорят урбанисты-практики? Действительно ли у всех нас в городе одно поле или каждый воспринимает город в своей исследовательской оптике? Возможна ли урбанистика как особый междисциплинарный дискурс и консистентный язык описания, понятный всем урбанистам? Эти вопросы, подталкиваемые общим рефлексивным поворотом в социальных науках, нашли отражение в основной тематике конференции «Множественная урбанистика и ее языки описания».

Глубокое обсуждение требует и серьезного пересмотра формата конференций, проводимых очень часто по схеме «автомата», когда массово прочитываются один за другим доклады без должной рефлексии и критики. Организаторы решили, что стержневая интенция конференции будет в первую очередь обсуждаться во время установочной дискуссии «О множественных языках урбанистики: оптики и дисциплины», завершающего круглого стола «Все-таки на каких языках говорит урбанистика?», а также во время экспертных докладов, которые представят исследования с позиций своих дисциплин – антропологии, социологии, географии и истории. Основные сессии посвящались разбору различных кейсов через разные дисциплинарные

оптики, но сфокусированные на одной предметной категории – материальность, сообщества, сектор экономики, восприятие и образы, планирование.

Смешение различных специалистов в дискуссиях и обсуждениях докладов показало, что дисциплинарная идентичность играет серьезную роль в академических городских исследованиях. Артикуляция своей позиции из какой-то профессиональной области, обозначение тем самым своей экспертности структурирует и определяет все направления и подходы социальных наук о городе. Вместе с тем, как указал городской антрополог Михаил Алексеевский, исследователю не нужно замыкаться в рамках внутренней дисциплинарности со своими ценностями и принципами, а скорее необходимо быть дисциплинарно гибким как социальному ученому. Он подчеркнул, что дисциплинарному ученому не надо охранять периметр по принципу «это ваша, а это наша территория». Участники отметили отсутствие лингвистического дискомфорта, так как общение между коллегами происходит в рамках единого языка социальных наук, включающего общие методы, терминологический аппарат и цитируемые книги. Антрополог Михаил Лурье остроумно пошутил, что «сформировалась особая культура собственности: все друг у друга тырят», подмечая тем самым, что дисциплины уже давно присвоили каждая себе этот метаязык современной социально-гуманитарной науки. Иначе говоря, академические городские исследования разговаривают с помощью метаязыка, но который не связан с языком урбанистики или специфических городских исследований, а исходит из социальных наук в целом. «Общая кормушка» этого языка не урбанистика, а социальные науки.

Однако географ Руслан Дохов также обратил внимание на избыточность общего языка, в котором одни и те же термины могут иметь различную смысловую нагрузку и для их перевода потребуется масса узконаправленных словарей. Он отметил, что эти дублирующие понятия скорее призваны присвоить изучаемый объект дисциплине, чем лучше его описать. При этом происходит не воровство методов, терминов и подходов одних дисциплин у других, а что-то похожее на потlach: сначала в дисциплине накапливается какое-то количество терминов и подходов, после чего она переходит с этим богатством за свои собственные границы, раздаривая имущество другим наукам. С этим утверждением мне хочется особо согласиться. Так, сразу после завершения конференции я задумался о необходимости завести канал в *Telegram*, который бы не просто популяризировал историческую урбанистику, но, что важнее, показывал исследователям города в целом ценность и эффективность методов и оптик исторической науки в анализе городского развития. Казалось, историческая урбанистика может уже очень многое сказать о современных трансформациях культурного и исторического наследия в городах.

6. <https://t.me/urbanhistorians>.

Через месяц я вместе с группой студентов запустил канал «Городские истории»⁶, который, похоже, судя по отзывам коллег, открыл для части городских исследователей и практиков субдисциплину исторической урбанистики.

Одновременно с этим заключительная дискуссия указала на то, что конференция объединила исключительно академических городских исследователей и ей не удалось включить в этот диалог представителей наук, тесно связанных с городом через прикладную сферу городского планирования, архитектуры, дизайна, маркетинга и т. д. В оправдание следует добавить, что организаторы звали специалистов и из этих сфер, но получили отказ. Прикладным специалистам часто сложно понять, что же такое «научная конференция». Более близким кажется формат урбан-форумов. Им часто непонятны социальные исследования, и они редко видят в них дисциплинарные нюансы. Одним из самых ярких примеров являются случаи, когда какой-нибудь архитектор, планировщик или дизайнер называет любые проектные исследования «социологией», обычно мельком проговаривая «в нашем проекте мы учили социологию» или «да, социология важна», при этом слабо осознавая, а какие, собственно, исследования они провели. Так что между практиками и учеными найти общий язык уже намного сложнее. Часть докладов на конференции, претендовавших на разработку реального городского проекта, приводила к напряженному диалогу. Некоторые эксперты социальных дисциплин подтверждали трудности такого общения. Так, Михаил Алексеевский признал, что значительное время на работе его команда тратит на то, чтобы перевести результаты их антропологических исследований на понятный язык планировщикам. «Идентичность» у антрополога и историка – не то же самое, что «идентичность» у планировщика и архитектора. Руслан Дохов прямо обозначил, что задача исследователей не в том, чтобы создать новый язык урбанистики, которого нет и не будет, но выработать точки сборки представлений о словах и описываемых ими объектах. Историк к такому ходу мысли добавил бы тезис о значении контекстуального воображения урбанистики. Она существует только в контексте дисциплин, специальностей, бизнеса, девелоперов, активистов или сообществ, которые формируют собственное понимание слов, схватывающих «городское».

Итак, по итогам конференции был подготовлен этот тематический номер «Городских исследований и практик». Мы постарались отобрать те статьи участников и некоторых приглашенных молодых авторов, которые хоть и отражали разные исследовательские подходы, но позволяли показать современную множественность урбанистики. Как правило, каждый автор, придерживаясь конкретной дисциплинарной оптики, старался выходить за ее пределы, пытаясь работать с понятиями, не только пре-

тендующими на междисциплинарность, но и выходящими для анализа в другие городские миры, которые нередко напрямую приписываются «урбанистике», такие как архитектура, строительство, планирование, креативные пространства, центры джентрификации, ритейл, коммерческий ландшафт, жилищная сфера, молодежные сообщества. В этих работах проявляется множественность городских исследований через 1) синтез разных ролей социального ученого, изучающего город, и 2) в попытках деконструкции понятийного языка.

Во-первых, особый интерес вызывает серия статей, воссоздающих во всех случаях одинаковую метапозицию авторов: архитекторов, которые стали социальными антропологами и вышли в этнографическое поле своей профессиональной сферы, сосредоточившись при этом на изучении конкретных понятий «идея/проект», «идентичность», «дискоммуникация». Архитектор и городской антрополог Александра Третьякова с помощью методов автоэтнографии реконструирует процессы превращения идеи в архитектурный проект в «крафтовом» архитектурном бюро. Архитектор и городской антрополог Гавриил Малышев рассказывает об интеграции понятия идентичности в сообщество архитекторов и какие профессиональные практики оно порождает. Архитектор и городской антрополог Владимир Ротбергер рефлексировал над сложностями коммуникации между архитекторами и строителями при реализации проекта.

Во-вторых, в тематическую подборку вошли статьи, посвященные анализу оригинальных понятий, которые 1) пытаются объяснить какую-то сторону городской реальности, оставляя дистанцию между исследователем и изучаемым предметом, 2) претендуют на междисциплинарное использование и 3) в то же время являются элементом языка изучаемого объекта. Социальные исследователи Ангелина Филип и Константин Глазков раскрывают различные восприятия «аварийности» в жилищном фонде Перми. Социолог Ксения Калашникова сфокусировалась на разборе «аутентичности», которая может включаться в процесс производства пространства при деятельности коммерческих агентов.

В-третьих, в тематический номер включены статьи, построенные на определенной вовлеченности автора в изучаемое явление, работающие в какой-то степени как исследовательская поддержка новых социальных миров города. Архитектор Наталья Азаренкова анализирует понятие «кластер», которое в условиях постиндустриальной экономики не просто зафиксировало эволюцию термина «территориально-производственный комплекс», относящегося к понятийному аппарату планировщиков и эконом-географов, но и реальную трансформацию индустриальных пространств в городе. Антрополог Анна Гусейнова описывает реализацию проекта «Центры местного сообщества», наполняющего не-место, в данном случае магазины «у дома», новыми практиками добрососедства и взаимопомощи,

и какую роль в этом процессе играют антропологические исследования.

В-четвертых, в подборку статей также вошли два текста, пытающиеся пересмотреть устоявшийся исследовательский дисциплинарный язык в изучении важных городских тем городского планирования и городских сообществ. Историк Максим Мочалин, опираясь на предшествующую историографию и анализируя кейсы постоянного обновления советских генпланов в Новом Уренгое, предложил интерпретацию «городского планирования» как перформативной практики планировщиков, вечно проявляющейся в постоянной незавершенности реализации проектов. Антрополог Иван Сапогов примеряет разные теоретические модели для описания молодежного сообщества Китай-города в Москве, показывая возможности научного конструирования в анализе соотношения сложной и динамичной городской группы с городским пространством, которое она занимала.

Множественная урбанистика: контексты, теории, институты

Пора перейти к заключению. В этом пространном эссе я предлагаю концепцию множественной урбанистики, которая подразумевает не просто дисциплинарную структуру городских исследований, но их отчетливое восприятие учеными через дисциплинарную идентичность, перерастающее в некоторых случаях в стремление сформировать из урбанистики (или *Urban Studies* в англоязычном научном сообществе) отдельную самостоятельную дисциплину. В российских реалиях дисциплинарная множественность городских исследований серьезно усложняется бинарностью науки и практики академических фундаментальных исследований, как правило, при университетах и институтах, и прикладного консалтинга в рамках коммерческих договоров и под задачи конкретного заказчика. Иначе говоря, урбанистика одновременно делится на академическую и прикладную, и одновременно обе эти урбанистики состоят из дисциплинарных специализаций. Сюда же добавляется идеологический посыл современных городских исследователей, особенно в прикладной сфере, которые стремятся сделать города более комфортными, но что важнее – включить в цепочку реализации городских проектов обычных горожан. Это приводит к определенному разрыву между городскими исследователями, которые не готовы выходить из научной позиции невмешательства, и учеными-практиками, способными в какой-то степени принимать на себя роль городских активистов.

Какое следствие этой описательной модели множественной урбанистики?

Первое: становится очевидным, что урбанистика (или *Urban Studies*) существует исключительно в контексте. Что вы имеете в виду, когда говорите слово «урбанистика»? Вовлеченные исследователи

и практики могут подразумевать самые разные коннотации: это может быть связка градостроительства, социальных исследований и форматов соучастия; это может быть и городской активизм; это может быть урбанизм как социальное состояние «городского» – от комфортной соразмерной среды до социальной организации горожан; это могут быть и фундаментальные исследования или совокупность всех научных и публицистических текстов о городах и городском развитии. Не говоря уже о том, что каждый раз, когда кто-то артикулирует «урбанистику», он всегда делает это из дисциплинарной позиции. Эта запутанность заставляет многих определять «урбанистику» как метаязык, а урбанистов – как специалистов, умеющих на нем разговаривать. С одной стороны, да, но в этом есть определенный самообман, поскольку каждый такой «урбанист-медиатор» продолжает, по сути, говорить на языке своей дисциплины, используя вроде бы общие термины, методы и подходы, но фактически вкладывая в них содержание, которое характерно для его дисциплинарной традиции. И поскольку сохраняется невидимое присутствие дисциплин, реальным метаязыком для общения между городскими исследователями и практиками является не язык урбанистики, а общий язык современных социальных наук, который уже давно присвоен дисциплинами и воспринимается как свой. Множественная урбанистика означает навык видеть и учитывать эти контексты.

Второе: дальнейшее развитие урбанистики невозможно без теории. Сильные позиции прикладных исследователей в России привели к господству принципа, согласно которому город можно понять только через практику и о котором я часто слышу от тех, кто включен в реализацию городских проектов. Именно эта ориентированность на практику во многом и поспособствовала выработке представления об урбанистике как метаязыке, который нужен в первую очередь для согласования позиций разных специалистов, занятых преобразованием городов. Такие «прикладные урбанисты» нередко заявляют о приоритете практики и медиации над теорией. В целом я не против такой установки, аргументы в ее пользу понятны. Но я вижу серьезную опасность изоляции и упадка направления в России, уже проявляющегося в ситуации, которую я описал в самом начале эссе: бурный рост прикладных городских исследований, который сопровождается стагнацией академических работ. Предполагаю, что потенциал развития академических городских исследований сегодня находится за пределами академии, в командах, которые ориентированы на прикладной рынок. Для них ключ к урбанистике как метаязыку лежит не просто в умении использовать модные новые словечки, взятые, как правило, из социальных наук, но в том, чтобы углубиться в их смысл и разные интерпретации. Это неосуществимо без знания истории и современного состояния, теории и подходов в *Urban Studies* как в России, так и в мировой науке. Множественная

урбанистика означает сборку дисциплинарных подходов на основе новых теорий об урбанизме.

Третьим условием интеграции различных городских исследований является создание институтов, обеспечивающих не только обмен методами и подходами между дисциплинами и воспроизводство знания в этой области, но и отстаивание интересов *Urban Studies* в разных государственных научно-образовательных номенклатурах. В конечном счете такая институциональная политика может привести к восприятию урбанистики в России как отдельной научной специальности и образовательного направления. Но и без формальных эффектов институционализация *Urban Studies* должна способствовать, как минимум, полноценному междисциплинарному взаимодействию. Я даже говорю не про образовательные программы и исследовательские центры, подобно Высшей школе урбанистики ВШЭ, Институту медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», кафедре Глазычева РАНХиГС, Центру урбанистики ТюмГУ, программе «архитекторы.рф», Институту дизайна и урбанистики Университета ИТМО, НОЦ «Гуманитарная урбанистика» НовГУ и некоторым другим, большинство из которых являются по своей сути дисциплинарными, но стремятся выйти за рамки дисциплинарных ограничений. Поэтому правильнее призывать к проектам, в основе которых лежит принцип «республики диалога», предложенный на страницах *Journal of Urban Affairs*: организация конференций, где будет реальное смешение дисциплинарных оптик; реализация фундаментальных исследований, основанных на консолидирующих теориях; внедрение в прикладные исследования города теоретических знаний из академии, включая более серьезное отношение к ее терминологическому словарю и дисциплинарным различиям. Множественная урбанистика означает конструирование городских исследований через институционализацию такого диалога социальных наук.

Источники

- 10 глупых вопросов архитектору-урбанисту (2020) // Жиза. 04.08.2020. Режим доступа: <https://youtu.be/vn1eewCfIsc?si=NeN1gc0vYj0KjtPc> (дата обращения: 06.11.2024).
- Абашев В. В., Власова Е. Г., Печищев И. М., Пустовалов А. В., Курбанова Р. Ф. (2020) Урбанизм и урбанисты в российских сетевых изданиях 2010-х годов. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет.
- Блинкин М. (2024) Настоящая урбанистика – это научная дисциплина и в то же время практическое ремесло // *Scholar*. 19.09.2024. Режим доступа: <https://scholar.hse.ru/news/964318158.html> (дата обращения: 14.12.2024)
- Вахштайн В. (2022) Воображая город: введение в теорию концептуализации. М.: Новое литературное обозрение.
- Глазычев В. Л. (2008) Урбанистика. М.: Издательство «Европа».
- Загвозкина В. (2020) Что такое урбанистика? Мнение дипломированного урбаниста // *Urban Blog*. 24.02.2020. Режим доступа: <https://youtu.be/>

- UEi1-YHF50A?si=wYbB2wwOkQNq3p9c (дата обращения: 06.11.2024).
- Замятин Д. (2024) Меня всегда интересовало, как формируется образ города// Schola. 09.10.2024. Режим доступа: <https://schola.hse.ru/news/972149073.html> (дата обращения: 14.12.2024)
- Интервью с Александром Антоновым//Свят Мурунов. 05.09.2024. Режим доступа: <https://youtu.be/1ALfmh3gBkU?si=VrCbZ8U4pJ0aXoc3> (дата обращения: 06.11.2024).
- Кузнецов С. (2020) Урбанистика: искусство «читать» город//Объединение культурных центров ЮВА0. 03.11.2020. Режим доступа:https://youtu.be/Hxhu-R16hGY?si=PrZ08_7o_LYmHWK0 (дата обращения: 06.11.2024).
- Мальцева Д. (2024) Путь от социолога к звездочету//Schola. 11.11.2024. Режим доступа: <https://schola.hse.ru/news/985529431.html> (дата обращения: 14.12.2024)
- Митин И. (2024) Урбанистика – это «наука-подъезд»//Schola. 21.10.2024. Режим доступа: <https://schola.hse.ru/news/977940282.html> (дата обращения: 14.12.2024)
- Новиков А. (2015) Урбанистика – это язык, на котором должны говорить специалисты разных областей//hse.ru. 16.04.2015. Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/148427233.html> (дата обращения: 06.11.2024).
- Паченков О. (2020) Что такое урбанистика?//Лекторий Городских проектов в Петербурге. Дата обращения: 02.03.2020. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=WuYjG3zurA> (дата обращения: 06.11.2024).
- Трубина Е. (2022) Тридцать лет академической урбанистики в постсоветской России: между фундаментальным и прикладным//Новое литературное обозрение. № 6. С. 125–145.
- Флорида Р. (2018) Новый кризис городов: джентрификация, дорогая недвижимость, растущее неравенство и что нам с этим делать. М.: Издательская группа «Точка».
- Addie J.-P.D., Ward K. (2024) The State of Urban Research? The State of Urban Research!//Journal of Urban Affairs. Vol. 46. № 3. P. 463–474.
- Bowen W.M., Dunn R.A., Kasdan, D.O. (2011) Response to «The History in Urban Studies: A Comment»//Journal of Urban Affairs. Vol. 33. № 1. P. 107–110.
- Bowen W.M., Dunn R.A., Kasdan D.O. (2010) What Is «Urban Studies»? Context, Internal Structure, and Content//Journal of Urban Affairs. Vol. 32. № 2. P. 199–227.
- Brantz D., Disko S., Wagner-Kyora G. (eds). (2012) Thick Space: Approaches to Metropolitanism. Bielefeld: Transcript Verlag.
- Brenner N., Schmid C. (2015) Towards a New Epistemology of the Urban?//City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action. Vol. 19. № 2–3. P. 151–182.
- Brenner Neil (ed.). (2014) Implosions/Explosions: Towards a Study of Planetary Urbanization. Berlin: Jovis Verlag. 576 p.
- Cauvain J. (2018) Social Sustainability as a Challenge for Urban Scholars//City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action. Vol. 22. № 4. P. 595–603.
- Coelho K., Sood A. (2022) Urban Studies in India across the Millennial Turn: Histories and Futures//Urban Studies. Vol. 59. № 13. P. 2613–2637.
- Crawford M. (2020) Why Planners Need Anthropologists//Life among Urban Planners: Practice, Professionalism, and Expertise in the Making of the City/Ed. by J. Mack, M. Herzfeld. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. P. 42–60.
- Fix M., Arantes P.F. (2022) On Urban Studies in Brazil: The Favela, Uneven Urbanisation and Beyond//Urban Studies. Vol. 59. № 5. P. 893–916.
- Fraser B. (2015) Toward an Urban Cultural Studies: Henri Lefebvre and the Humanities. New York: Palgrave Macmillan.
- Harding A., Blokland T. (2014) Urban Theory: A Critical Introduction to Power, Cities and Urbanism in the 21st century. London: Sage. 312 p.
- Harris R., Smith M.E. (2011) The History in Urban Studies: A Comment//Journal of Urban Affairs. Vol. 33. № 1. P. 99–105.
- He S., Qian J. (2017) From an Emerging Market to a Multifaceted Urban Society: Urban China Studies//Urban Studies. Vol. 54. № 4. P. 827–846.
- Keith M., O’Clery N., Parnell S., Revi A. (2020) The Future of the Future City? The New Urban Sciences and a PEAK Urban Interdisciplinary Disposition//Cities. Vol. 105. October. P. 1–9.
- Laura R. (2014) The Present and Future of Urban Affairs Research//Journal of Urban Affairs. Vol. 36. № S2. P. 543–550.
- Neal Z. (2015) Reflections on City & Community and the Future of Urban Studies//City & Community. Vol. 14. № 3. P. 242–244.
- Pizzo B., Gribat N., Höhne S., Michel B., Schuster N. (2019) An Historical and Critical Reconstruction of Disciplines and Interdisciplinarity in Urban Studies//Tracce Urbane. Rivista Italiana Transdisciplinare Di Studi Urbani. № 6. P. 70–91.
- Pizzo B., Gribat N., Höhne S., Michel B., Schuster N. (2020) An Historical and Critical Reconstruction of Disciplines and Interdisciplinarity in Urban Studies (Part 2)//Tracce Urbane. Rivista Italiana Transdisciplinare Di Studi Urbani. P. 39–53.
- Popenoe D. (1965) On the Meaning of «Urban» in Urban Studies//Urban Affairs Quarterly. Vol. 1. № 1. P. 17–33.
- Prell U. (2022) The City: An Interdisciplinary Introduction to Urban Studies. Translated from the German by Laura Radosh. Edited by Ute Reusch. Opladen, Berlin, Toronto: Verlag Barbara Budrich.
- Rizzo A., Galanakis M. (2015) Transdisciplinary Urbanism: Three Experiences from Europe and Canada//Cities. Vol. 47. September. P. 35–44.
- Robinson J. (2016) Comparative Urbanism: New Geographies and Cultures of Theorizing the Urban//International Journal of Urban and

Regional Research. Vol. 40. № 1. January. P. 187–199.

Robinson J. (2022) Introduction: Generating Concepts of “the Urban” through Comparative Practice//Urban Studies. Vol. 59. № 8. P. 1521–1535.

Schafran A. (2014) Debating Urban Studies in 23 Steps//City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action. Vol. 18. № 3. P. 321–330.

Verloo N., Bertolini L. (2020) Seeing the City: Interdisciplinary Perspectives on the Study of the Urban. Amsterdam: Amsterdam University Press.

Ward K., Bunnell T. (2021) Reflections on Five Years of the Summer Institute in Urban Studies//Urban Studies. Vol. 58. № 4. P. 863–878.

Wilson A. (2022) Being Interdisciplinary. Adventures in Urban Science and Beyond. London: UCL Press.

Wolman H., Barnes W., Clark J., Friedman S., Harris R., Lin J., Ogorzalek T. (2024a) The State of Urban Research: Views across the Disciplines//Journal of Urban Affairs. Vol. 46. № 3. P. 425–462.

Wolman H., Clark J., Friedman S., Harris R., Lin J., Ogorzalek T. (2024b) Response: An Invitation to Conversation across Disciplines//Journal of Urban Affairs. Vol. 46. № 3. P. 475–476.

MULTIPLE URBAN STUDIES AND THEIR DESCRIPTIVE LANGUAGES

Igor N. Stas. Candidate of History, Senior Researcher, Center for the Urban Studies, Tyumen State University (UTMN), Volodarsky st. 6, Tyumen, 625003, Russian Federation. E-mail: igor.stas@mail.ru

The paper proposes a concept of multiple urbanism, which implies not just a disciplinary structure of urban studies but their distinct perception by scholars through disciplinary identity, which in some cases develops into an aspiration to form a separate independent discipline from urban studies. In Russian context, the disciplinary plurality of urban studies is significantly complicated by the binary opposition between scientism and pragmatism: academic fundamental and applied research. Urban studies is simultaneously divided into academic and applied domains, while both of these domains consist of disciplinary specializations. Multiple urbanism means: 1) considering the context when articulating social science terms used in urban studies; 2) developing new consolidating theories that explain urbanisms as different states of the “urban”; and 3) institutionalizing urban studies and establishing dialogue between social sciences studying the city and urbanization.

Keywords: disciplines; interdisciplinarity; applied research; social sciences; urban studies; urbanism
Citation: Stas I.N. (2024) Multiple Urban Studies and Its Languages Of Description. *Urban Studies and Practices*, vol. 9, no 4, pp. 6-21. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp9420246-21> (in Russian)

References

10 gluplykh voprosov arkhitektoru-urbanistu [10 Silly Questions for an Architect-Urbanist] (2020). Zhiza. 04.08.2020. Available at: <https://youtu.be/vn1eewCfIISc?si=NeNlgcOvY-jOKjtPc> (accessed: 06.11.2024). (in Russian)

Abashev V.V., Vlasova E.G., Pechishchev I.M., Pustovalov A.V., Kurbanova R.F. (2020) Urbanizm i urbanisty v rossiyskikh setevykh izdaniyakh 2010-kh godov [Urbanism and Urbanists in Russian Online Publications of the 2010s]. Perm: Permskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet.

Blinkin M. (2024) Nastoyashchaya urbanistika—eto nauchnaya discipli-

na i v to zhe vremya prakticheskoye remeslo [Real Urban Studies Is Both a Scientific Discipline and a Practical Craft]. *Schola*, 19.09.2024. Available at: <https://schola.hse.ru/news/964318158.html> (accessed: 14.12.2024).

Addie J.-P.D., Ward K. (2024) The State of Urban Research? The State of Urban Research! *Journal of Urban Affairs*, vol. 46, no 3, pp. 463–474.

Bowen W.M., Dunn R.A., Kasdan D.O. (2011) Response to “The History in Urban Studies: A Comment”. *Journal of Urban Affairs*, vol. 33, issue 1, pp. 107–110.

Bowen W.M., Dunn R.A., Kasdan D.O. (2010) What Is “Urban Studies”? Context, Internal Structure, and Content. *Journal of Urban Affairs*, vol. 32, issue 2, pp. 199–227.

Brantz D., Disko S., Wagner-Kyora G. (eds.) (2012) Thick Space: Approaches to Metropolitanism. Bielefeld: Transcript Verlag.

Brenner N. (ed.) (2014) Implosions/Explosions: Towards a Study of Planetary Urbanization. Berlin: Jovis Verlag.

Brenner N., Schmid C. (2015) Towards a New Epistemology of the Urban? *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action*, vol. 19, no 2–3, pp. 151–182.

Cauvain J. (2018) Social Sustainability as a Challenge for Urban Scholars. *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action*, vol. 22, no 4, pp. 595–603.

Coelho K., Sood A. (2022) Urban Studies in India across the Millennial Turn: Histories and Futures. *Urban Studies*, vol. 59, no 13, pp. 2613–2637.

Crawford M. (2020) Why Planners Need Anthropologists. *Life among Urban Planners: Practice, Professionalism, and Expertise in the Making of the City* (eds. J. Mack, M. Herzfeld). Philadelphia: University of Pennsylvania Press, pp. 42–60.

Fix M., Arantes P.F. (2022) On Urban Studies in Brazil: The Favela, Uneven Urbanisation and Beyond. *Urban Studies*, vol. 59, no 5, pp. 893–916.

Florida R. (2018) Novyy krizis gorodov: dzhentrifikatsiya, dorogaya nedvizhimost', rastushchee neravenstvo i chto nam s etim delat' [The New Urban Crisis: Gentrification, Expensive Real Estate, Growing Inequality and What We Should Do About It]. Moscow: Tochka. (in Russian)

- Fraser B. (2015) *Toward an Urban Cultural Studies: Henri Lefebvre and the Humanities*. New York: Palgrave Macmillan.
- Glazychev V.L. (2008) *Urbanistika [Urban Studies]*. Moscow: Evropa (in Russian).
- Harding A., Blokland T. (2014) *Urban Theory: A Critical Introduction to Power, Cities and Urbanism in the 21st Century*. London: Sage.
- Harris R., Smith M.E. (2011) The History in Urban Studies: A Comment. *Journal of Urban Affairs*, vol. 33, no 1, pp. 99–105.
- He S., Qian J. (2017) From an Emerging Market to a Multifaceted Urban Society: Urban China Studies. *Urban Studies*, vol. 54, no 4, pp. 827–846.
- Interv'yu s Aleksandrom Antonovym [Interview with Alexander Antonov] (2024). *Svyat Murunov*, September 5, 2024. Available at: <https://youtu.be/1ALfmh3gB-kU?si=BrCbZ8U4pJ0aXoc3> (accessed: 06.11.2024). (in Russian)
- Keith M., O'Clery N., Parnell S., Revi A. (2020) The Future of the Future City? The New Urban Sciences and a PEAK Urban Interdisciplinary Disposition. *Cities*, vol. 105, October, pp. 1–9.
- Kuznetsov S. (2020) *Urbanistika: iskusstvo "chitat'" gorod [Urban Studies: The Art of "Reading" the City]*. *Ob"edinenie kul'turnykh tsentrov YuVAO*, November 3, 2020. Available at: https://youtu.be/Hxhu-R16hGY?si=PrZ08_7o_LYmHWKO (accessed: 06.11.2024). (in Russian)
- Laura R. (2014) The Present and Future of Urban Affairs Research. *Journal of Urban Affairs*, vol. 36, no S2, pp. 543–550.
- Mal'tseva D. (2024) Put' ot sotsiologa k zvezdochetu [The Path from Sociologist to Stargazer]. *Schola*, 11.11.2024. Available at: <https://schola.hse.ru/news/985529431.html> (accessed: 14.12.2024).
- Mitin I. (2024) *Urbanistika—eto "nauka-pod'ezd" [Urban Studies Is a "Staircase Science"]*. *Schola*, 21.10.2024. Available at: <https://schola.hse.ru/news/977940282.html> (accessed: 14.12.2024).
- Neal Z. (2015) Reflections on City & Community and the Future of Urban Studies. *City & Community*, vol. 14, no 3, pp. 242–244.
- Novikov A. (2015) *Urbanistika—eto yazyk, na kotorom dolzhny govorit' spetsialisty raznykh oblastey [Urban Studies Is a Language That Specialists from Different Fields Should Speak]*. *HSE.ru*, April 16, 2015. Available at: <https://www.hse.ru/news/148427233.html> (accessed: 06.11.2024). (in Russian)
- Pachenkov O. (2020) *Chto takoe urbanistika? [What Is Urban Studies?]*. *Lektoriy Gorodskikh proektov v Peterburge*, March 2, 2020. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=WyijG3zypA> (accessed: 06.11.2024). (in Russian)
- Pizzo B., Gribat N., Höhne S., Michel B., Schuster N. (2019) An Historical and Critical Reconstruction of Disciplines and Interdisciplinarity in Urban Studies. *Tracce Urbane. Rivista Italiana Transdisciplinare Di Studi Urbani*, no 6, pp. 70–91.
- Pizzo B., Gribat N., Höhne S., Michel B., Schuster N. (2020) An Historical and Critical Reconstruction of Disciplines and Interdisciplinarity in Urban Studies (Part 2). *Tracce Urbane. Rivista Italiana Transdisciplinare Di Studi Urbani*, pp. 39–53.
- Popenoe D. (1965) On the Meaning of "Urban". *Urban Studies. Urban Affairs Quarterly*, vol. 1, no 1, pp. 17–33.
- Prell U. (2022) *The City: An Interdisciplinary Introduction to Urban Studies*. Opladen, Berlin, Toronto: Verlag Barbara Budrich.
- Rizzo A., Galanakis M. (2015) Transdisciplinary Urbanism: Three Experiences from Europe and Canada. *Cities*, vol. 47, September, pp. 35–44.
- Robinson J. (2016) *Comparative Urbanism: New Geographies and Cultures of Theorizing the Urban*. International Journal of Urban and Regional Research, vol. 40, no 1, pp. 187–199.
- Robinson J. (2022) Introduction: Generating Concepts of "the Urban" through Comparative Practice. *Urban Studies*, vol. 59, no 8, pp. 1521–1535.
- Schafraan A. (2014) *Debating Urban Studies in 23 Steps*. *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action*, vol. 18, no 3, pp. 321–330.
- Trubina E. (2022) *Tridtsat' let akademicheskoy urbanistiki v postsovetskoy Rossii: mezhdunarodnyy fundamental'nyy i prikladnyy [Thirty Years of Academic Urban Studies in Post-Soviet Russia: Between Fundamental and Applied]*. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 6, pp. 125–145. (in Russian)
- Vakhshayn V. (2022) *Voobrazhaya gorod: vvedenie v teoriyu kontseptualizatsii [Imagining the City: Introduction to the Theory of Conceptualization]*. Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie*. (in Russian)
- Verloo N., Bertolini L. (2020) *Seeing the City: Interdisciplinary Perspectives on the Study of the Urban*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Ward K., Bunnell T. (2021) Reflections on Five Years of the Summer Institute in Urban Studies. *Urban Studies*, vol. 58, no 4, pp. 863–878.
- Wilson A. (2022) *Being Interdisciplinary: Adventures in Urban Science and Beyond*. London: UCL Press.
- Wolman H., Barnes W., Clark J., Friedman S., Harris R., Lin J., Ogorzalek T. (2024) The State of Urban Research: Views across the Disciplines. *Journal of Urban Affairs*, vol. 46, no 3, pp. 425–462.
- Wolman H., Clark J., Friedman S., Harris R., Lin J., Ogorzalek T. (2024b) *Response: An Invitation to Conversation across Disciplines*. *Journal of Urban Affairs*, vol. 46, no 3, pp. 475–476.
- Zagvozkina V. (2020) *Chto takoe urbanistika? Mnenie diplomirovannogo urbanista [What Is Urban Studies? Opinion of a Certified Urbanist]*. *Urban Blog*, February 24, 2020. Available at: <https://youtu.be/UEi1-YHF50A?si=wYbB2wwOkQnQ3p9c> (accessed: 06.11.2024). (in Russian)
- Zamyatin D. (2024) *Menya vseгда interesovalo, kak formiruetsya obraz goroda [I Have Always Been Interested in How the Image of the City Is Formed]*. *Schola*, 09.10.2024. Available at: <https://schola.hse.ru/news/972149073.html> (accessed: 14.12.2024).